

Обзоры и рецензии

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-75-84

**К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
КАК ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ
МОНОГРАФИИ Н. М. МУХАРЯМОВА И О. Б. ЯНУШ
«ЯЗЫКОВОЕ УСТРОЙСТВО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ» (КАЗАНЬ, 2022)**

К. Ю. Замятин

Замятин Константин Юрьевич, PhD, доцент,
Институт языкознания РАН, Россия, Москва.

E-mail: k.zamyatin@iling-ran.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. Researcher ID: AAY-5217-2020).

Аннотация

В тексте дается рецензия на книгу, для чего анализируется содержание самой книги, а также приводится контекст международных научных исследований о языке и обществе. Текст книги анализируется последовательно, начиная со введения, и далее от главы к главе. В конце делается вывод о значении книги для развития российской науки и для прикладных усилий ученых в области языковой политики. Книга поднимает в качестве своего организующего начала ключевую проблему междисциплинарности исследований языковой политики и представляет собой одну из редких в российской науке попыток исследования языковой политики с позиций политической науки. Такой ракурс исследования особенно актуален в России сейчас, когда каждый год разрабатываются новые официальные документы, регулирующие различные аспекты языковой жизни, от формулирования концептуальных основ государственной политики в этой сфере до утверждения языковых норм и реализации других прикладных аспектов. Авторы справедливо исходят из того, что с точки зрения эффективности политики одним из основных оказывается вопрос об агентности, множественности субъектов политики и важности их участия в формировании политики.

Ключевые слова: языковая политика; агентность; публичная политика; государственная политика; Российская Федерация; социология науки; мировая наука.

Потребность в книге, которая помогла бы русскоязычному читателю познакомиться с работами мировой науки в области теорий языковой политики и оценить их применимость к российской языковой политике, назрела давно, но особенно востребована такая работа в последние годы. Авторы книги констатируют во введении, что набирают динамику усилия «публично-властных инстанций» и «профессионально-общественных сил» в отношении влияния на языковую жизнь в России. В качестве иллюстрации этой динамики авторы приводят примеры последних принятых официальных документов, а также созданных новых научных площадок для обсуждения вопросов языковой политики.

Авторы также называют некоторые существующие лакуны и проблемы в осмыслении феномена языковой политики. Как эксперт, принимающий участие в разработке и продвижении упоминаемых в тексте книги проектов Концепции языковой политики и Программы сохранения и возрождения языков России, могу только засвидетельствовать, насколько актуальными оказываются многие поднятые авторами сюжеты из взаимодействия теории научного знания и практики политики. В связи с обозначенной двойственностью языковой политики хочу сразу же для ясности обратить внимание на ее принципиальное разграничение как политической и научной деятельности. Во избежание путаницы отмечу, что, говоря о научном дискурсе, я пишу про «теории языковой политики».

Сразу назову главное, на мой взгляд, достоинство книги – ее способность побудить желание размышлять и спорить, и даже написать рецензию. А это значит, что книга удалась. Именно исходя

из этого понимания значения книги, хочу подискутировать и высказать некоторые критические замечания.

Уже во введении авторы тезисно излагают свои основные идеи по преодолению лакун и проблем в осмыслении, в частности за счет расширения понятийного инструментария путем привлечения таких понятий, как «правовая политика» и «языковое устройство». Попытки теоретизирования и ввода новых категорий и классификаций интересны. Композиционно понятно стремление авторов с самого начала познакомить читателя с ключевыми идеями книги. Все же у меня осталось впечатление, что подобные обобщения скорее подошли бы для заключения книги, потому что после прочтения введения у меня сохранились сомнения, есть ли необходимость множить сущности и, например, вводить понятие языкового устройства, поскольку в книге речь идет все-таки не столько о российском обществе, а в первую очередь о государстве.

И это при том, что авторы говорят о «достигнутом в научном сообществе консенсусе по поводу перехода от моноцентричного видения феномена языковой политики в виде направления сугубо государственного управления языковым разнообразием к более панорамной картине» и о парадигмальном сдвиге «в направлении проблематики агентивности в языковой политике». Я бы с удовольствием согласился, но тут вынужден все-таки уточнить, что, насколько я знаком с тематикой, парадигмальный сдвиг произошел в англоязычной научной литературе, в то время как в русскоязычной литературе до консенсуса, кажется, пока далеко, а воплощение этого сдвига на практике в российских политических реалиях, судя по официальным документам, и вовсе пока не включено в повестку. Страна скорее пока находится в противофазе, поэтому, наверно, несколько преждевременно описывать «сетевую публичную политику» как реальную альтернативу.

Не подкрепляет тезис о парадигмальном сдвиге и собственная критика авторов фокуса разработчиков Программы сохранения и возрождения языков России на активизме в качестве одного из движущих элементов ее реализации. При этом активизм рассматривается авторами книги узко как «любительские формы», в то время как, по их мнению, основной движущей силой должны быть элиты, которые «играют ключевую роль в формировании ментальных и психологических предпосылок престижности того или иного языкового набора» и т.д. Разделяю опасения авторов относительно «факультативности» активизма «снизу», в том числе в его «научном изводе»; также согласен с оценкой ключевой роли элит в общественной жизни, которая, безусловно, соответствует российской действительности.

Вместе с тем усматриваю тут также нехватку научной рефлексии. В целом адекватно описанная ситуация мыслится в категориях элитной теории о природе политической власти. Но такой ракурс упускает из рассмотрения существенный аспект агентности. Если отвлечься от российской действительности, то в том-то и состоит суть агентности, что «люди имеют значение». Напишу подробнее об агентности («агентивности» у авторов книги) ниже в контексте соответствующей главы. Тут только замечу, что на этот дефицит контекста я и ссылаюсь, когда пишу выше о том, что тезисное формулирование основных идей во введении как композиционный ход оставляет больше вопросов, чем предлагает ответов.

Книга состоит из одиннадцати глав, которые авторы не разбивают на части, но условно их можно сгруппировать на первую часть, посвященную обсуждению скорее теоретических вопросов, вторую часть, сфокусированную больше на практическом применении научных разработок, хотя обе части неизбежно перекликаются и обе содержат как теорию, так и практику, и третью часть, в которой затрагиваются отдельные вопросы языковой жизни. Учитывая и теоретический, и прикладной характер материала, такое структурирование мне представляется довольно логичным.

Мне лично книга особенно интересна своей теоретической частью (первые три главы) – тематикой, которой я занимаюсь последние годы. Исследования по теориям языковой политики являются одним из наиболее динамично развивающихся междисциплинарных проектов в мировой науке. Несмотря на прошедшие по крайней мере полвека, до настоящего времени не состоялось синтеза и не возникло новой дисциплины, а значит, по-прежнему многое зависит от дисциплинарного профиля конкретного исследователя. Вместе с тем нужно сказать, что в рамках междисциплинарного проекта за эти десятилетия произошла значительная эволюция теорий языковой политики.

В главе 1 авторы книги отмечают важность критической теории для развития проекта на Западе и актуальность постколониальной перспективы для его развития сегодня в России. Не из-за того ли, что Казань географически находится восточнее? При этом авторы книги упорно называют этот научный проект «западным» и даже «евроцентричным», хотя постколониальная рефлексия началась на Западе уже в 1980-е гг. Авторы книги приводят предложения разных исследователей по периоди-

зации, которые, на мой взгляд, не совсем раскрывают траекторию эволюции проекта. Мне кажется более актуальной, в том числе и для самих авторов, периодизация, предлагаемая Дж. Толлефсоном и М. Пересом-Милансом (2018), которые как раз и приводят мысль о выделении проблематики структуры и агентности в качестве следующего этапа. Но этот вопрос по-прежнему открыт, потому что открыто само будущее, а проект по-прежнему быстро эволюционирует, воспринимая новые веяния в международной науке, именно поэтому им так интересно заниматься.

Однако есть определенные, уже устоявшиеся элементы, особенно в ракурсе важной темы междисциплинарности. Языковая политика и планирование возникли в рамках социолингвистики. Однако уже в 1970-х гг. один из основоположников проекта Дж. Фишман писал об отграничении социолингвистической перспективы от перспективы социологии языка, или «макросоциолингвистики» – в американской традиции. Одновременно в рамках формирования эпохи постмодерна центральным стал вопрос эпистемологии в связи с переходом к конструктивизму как парадигмальному сдвигу в социальных и гуманитарных науках, которые используют все более похожий набор количественных и все больше качественных методов. Принципиальной вехой здесь стал переход к новому пониманию природы власти в ее соотношении с языком и знанием. Одним из его следствий стало то, что, продолжая оставаться междисциплинарным проектом, теории языковой политики на сегодня имеют своим стречнем ее изучение в качестве «публичной политики» (public policy), которая является хорошо разработанной субдисциплиной в рамках политической науки – это понимание, кажется, разделяют и авторы книги, что выделяет их работу в российском контексте.

В условиях недостижения синтеза знаний разных дисциплин для становления отдельной дисциплины, когда руководства (хендбуки) по теориям языковой политики – это все что есть, наверно, неизбежно, что кое-где текст книги скорее напоминает конспект для написания учебника. При этом основными исследователями в рассматриваемой области названы Э. Хауген, Дж. Фишман, Б. Спольски, Т. Риченто, Т. Скутнабб-Кангас и Р. Филлипсон, а также ряд современных авторов, хотя научное влияние их работ, в том числе на политическую практику, не всегда оказывается явным. Например, стоит отметить, что Ф. Грин (2003) принимал участие в разработке Европейской языковой хартии. Текст местами несколько хаотичен за счет шероховатости склеек внутри глав, а расстановка акцентов иногда неточна. Например, глава 1 завершается выходом на различие «языковой политики» и «политики языка», которое, безусловно, существенно для обсуждения, но оно давно уже стало общим местом в проекте.

Глава 2 продолжает тему междисциплинарности в более узком ракурсе соотношения «языка» и «политики». Отмечается, что их соотношение «по-разному трактуется российскими и зарубежными исследователями». Авторы обсуждают разработки на эту тему в основном только современных российских исследователей. Однако стоит заметить, что последние еще не столь далеко продвинулись по сравнению с западными коллегами в освоении темы, в частности потому, что они обычно работают вне общего научно-философского контекста. Частично причина такого состояния дел кроется в том, что, в то время как в Советском Союзе политической науки не было, на Западе эта тематика интенсивно разрабатывается уже с 1970-х гг. (см., например, работы М. Эдельмана (1977), М. Шапиро (1984, 1988)). Соответственно, попытка автором составить таксономию и разбить языковые темы на дисциплины знания о политическом любопытна, но, на мой взгляд, нуждается в переосмыслении в свете накопленных достижений мировой науки.

Приход постмодернизма с его «дискурсивным» и «коммуникативным поворотом» сопровождался «политическим поворотом в науках о языке», который произошел даже раньше, чем в смежной области исследований – этнической политике. В противоположном направлении «лингвистический поворот» в западной философии начала XX в. к 1970-м гг. повлиял и на научные дисциплины, в частности оформился в «лингвистический поворот в политических науках». Последний оказался особенно интересен не только фокусом на исследованиях политического дискурса (помимо Я. Бломмэрта (1997) также Н. Фейрклаф (2014), Т. ван Дейк (1997)), но и тем, что вскоре язык стал рассматриваться в качестве объекта политики как «policy». Именно направление исследований языковой политики как публичной (а в российской политической традиции – государственной) политики на сегодня наиболее значимо и потенциально востребовано в прикладном плане.

Глава 3 обсуждает актуальную тему уровней политики и вводит в тематику субъектности, развиваемую далее в главе 6. Субъектность выводится в контексте центральной для социальных наук проблемы взаимодействия социальной структуры и человеческой агентности в вопросе первичности в формировании человеческого поведения. Обсуждение проблемы выиграло бы, если бы в книге был дан общий философско-научный контекст. Так, сама идея «правительственности» М. Фуко (1969)

включает представление о присутствии власти на всех уровнях общества и, таким образом, могла бы стать возможной предпосылкой дальнейшего обсуждения авторами уровней власти. Также релевантно было бы привести альтернативы решения проблемы структуры и агентства П. Бурдые (1977) или П. Бергера и Т. Лукмана (1966), работы которых авторы упоминают только в последующей главе в контексте институционализма. В качестве рамки для приложения конструктивистского подхода к языковой политике было бы логично, кроме собственно работ Д. Джонсона (2013), представить и общенаучный контекст, например в свете разработок тех же П. Бергера и Т. Лукмана или А. Гидденса (1984).

Актуальны и интересны попытки приложения обсуждаемых категорий к российским реалиям в следующих четырех главах на уровне дискурсов (глава 4), институций (глава 5), круга субъектов политики (глава 6) и политико-правовых механизмов (глава 7). В ключевой главе 4 про концептуальные подходы отмечается необходимость пересмотра и пересборки проводимой в России языковой политики в качестве отдельного направления государственной политики. Среди приведенных разноплановых факторов, показывающих потребность в таком шаге, выделяются примеры «разноречивых высказываний» и «оценочно-смысловых разночтений» как в научном, так и во властном дискурсе. При этом проводится различие между концептуализацией «в общем и нестрогом плане» как научной деятельностью, в которой «оспаривание выступает фундаментальной предпосылкой познания», и концептуальным оформлением политики, в котором происходит «артикуляция интересов» и «согласование социально-волевых позиций». Представляется, что в таком противопоставлении скрывается опасность в очередной раз перейти от теории социального конструктивизма к практике социальной инженерии, такой, например, как сейчас решаются вопросы национальной политики в России. Опасны своей конфликтностью ситуации, когда различия презентуются как «противоречия», которые предлагается решать дискурсивно «игрой словами», например через иерархизацию идентичностей, потому что отсюда один шаг до таких категорий, как «единый народ». Наоборот, нормально, когда идеологически сосуществуют, по сути, исключаящие друг друга дискурсы «многонациональность», «единая нация» и «сохранение многообразия», потому что дискурсы выражают и воплощают реальные интересы, институции и структуры идентичности.

В работающей демократии механизмы политического представительства и демократической делиберации как раз и призваны амальгамировать многоголосие мнений и выработать в многостороннем диалоге приемлемое политическое решение, позволяющее избегать конфликтов или разрешать существующие. Таких, как идентифицированная авторами необходимость согласования «интра- и интерлингвальных аспектов» в качестве центральной на сегодня проблемы российской языковой политики, хотя в будущем в контексте постколониальных исследований и этот расклад может поменяться вслед за раскладом сил политических акторов. Именно в таком случае согласования многоголосия мы сможем говорить не о государственной политике, но о публичной политике. Пока же подразумеваемый авторами способ решения противоречий через «планирование дискурса» через иерархически построенную систему категорий слишком напоминает существующую систему, строимую по советскому образцу «авторитетного дискурса» в условиях тоталитарной системы власти по принципу сверху вниз. Но даже в такой ситуации резилентность общества власти в фуколдианском смысле, то есть агентность, сохраняется.

В такой репрезентации, кстати, проявляется и опасность однобокости в выборе в качестве исследовательской стратегии только дискурсивного анализа, поскольку сквозь его очки видятся «противоречия», или «двойственность», языковой политики там, где политический анализ оперировал бы категориями «интересы» и «институты». В этом контексте вполне закономерно, что если в предыдущей главе исследовательский фокус акторов был на агентности, то в главе 5 речь идет о структуре – об институциях. Нельзя не согласиться с оптимизмом авторов по поводу эвристического потенциала применения неинституциональных подходов к языковой политике. Тут следует упомянуть, что наряду с исследователями типа Д. Лейтина российские исследователи также пытались понять политические решения в отношении языков в свете структурных факторов, в том числе с инструменталистских и институционалистских позиций. Так, с точки зрения М. Губогло (1998), в период распада СССР титульные элиты союзных республик занимались планированием статуса языков инструментально, так как были заинтересованы в том, чтобы использовать требования обязательного знания «титульного языка» госслужащими в качестве инструмента для обеспечения своего исключительного доступа к власти, поскольку местные русские, как правило, не знали или плохо знали титульные языки. Аргумент распространился по аналогии и на языковую политику в (автономных) республиках России. Однако аргумент по аналогии – это довольно слабый аналитический инструмент: практиче-

ски все автономные республики установили как титульные, так и русский языки в качестве государственных языков, что воспрепятствовало их использованию в качестве политического инструмента.

При этом интересы также могут структурно определяться институтами. Д. Горенбург (2003) замечает, что институционалистское объяснение подъема национальных движений указывает на центральную роль самого института республик и других «этнических институтов», «созданных для контроля за взаимодействием государства с этническими группами», как структурного фактора, обеспечивающего готовые каналы для этнической мобилизации. Согласно институционалистской логике, «политические предприниматели» были заинтересованы в этнической мобилизации для установления контроля над политическими институтами и, таким образом, захвата политической власти. С этой перспективы я трактую закрепление официального статуса языков в республиках как создание еще одного «этнического института».

Однако как инструменталистские подходы, основанные на интересах, так и институционалистские подходы не могут адекватно решить проблему структуры и агентности, так как имеют тенденцию не замечать роль идей. Многие активисты, участвовавшие в мобилизации, руководствовались не столько личным интересом, сколько сложными мотивами, включающими идеологические убеждения. Возобновившееся в последнее время в политической науке внимание к агентности возникло из понимания того, что мотивы акторов основаны не только на интересе, преследуемом в институциональной среде, но и на идеях, чувстве принадлежности, убеждениях и тому подобном, то есть на идеологиях. Идеологии не только легитимизируют существующий социальный порядок, но и в первую очередь конституируют этот порядок и, таким образом, конструируют социальную агентность. Институты включают лежащие в их основе идеологии, а изменения в идеологии могут вызвать институциональные изменения.

Материалисты, будь то марксисты или сторонники теории рационального выбора, как Д. Лейтин (1992), также могут рассматривать идеи просто как инструменты, которые акторы используют для достижения своих целей. С распадом СССР понятие идеологии стало непопулярным в России, поскольку ассоциировалось с марксизмом. В то же время игнорирование исследователями «национальной», «возрожденческой» и прочей идеологической риторики как дымовой завесы для своекорыстных интересов элит само по себе является проявлением марксистского понимания идеологии как «ложного сознания». Сводя идею статуса официального языка к активу в политическом конфликте, они допускают некоторую агентность элит, но недооценивают влияние политической среды, и прежде всего роль институтов, а также идей и идеологий, в формировании политических интересов. Для конструктивистов не только институты продвигают идентичность, помогая людям создавать свои ценности, но также идеи и ценности являются основой институтов и формируют убеждения и интересы акторов. Так, по мнению Д. Беланда и Р. Кокса (2010), при расчете полезности определенного варианта политики мотивы акторов включают идеи, вытекающие из данной институциональной среды, и их собственные политические убеждения.

Более того, как инструменталистская, так и институционалистская разновидность конструктивизма соответствуют теории элит и не учитывают альтернативной перспективы плюралистической теории политической власти с ее фокусом на массовой политике, вовлечении мобилизованных масс и взаимодействии между массами и элитами в политической жизни в процессе формирования политики, характеризующем периоды политических изменений. При этом исследователи социальных движений, например Х. Джонстон и Дж. Ноукс (2005), указывают на ключевую роль идеологий и дискурсивных фреймов в процессах мобилизации. А В. Шмидт (2010) замечает, что если «новоинституционалистские» подходы рационального выбора, нормативного, исторического и социологического институционализма сосредоточены на структуре, то дискурсивный или конструктивистский институционализм показывает, как идеи и дискурсы влияют на социальные и политические изменения.

Тут было бы логично представить переход к применению институциональных разработок к российским реалиям, но, поскольку с идеями и идеологиями на данный момент дела в России обстоят так, как обстоят, то такой склейки у меня нет. Так же, впрочем, как нет ее и у авторов – что можно привести в качестве иллюстрации неровностей текста, о которых я упомянул вначале. В этом контексте остается обратить внимание на дефицит исследований языковых идеологий в России, а также согласиться с констатацией авторами недостаточности и разобщенности в управленческом дизайне в отношении языковой политики в России.

В главе 6 продолжается рассмотрение поднятой выше темы о субъектности, но уже в контексте рассмотренных в предыдущей главе институциональных ограничений. Глава вновь начинается констатацией поворота «к людям» в изучении языковой политики и продолжает развивать тезис о

полицентричности языковой политики. Тут соглашусь только, что в реальной жизни можно увидеть поворот к полицентричности в политической практике разных стран. С сожалением остается признать, что, несмотря на соответствующую риторику, в России дела пока обстоят иначе. Не только политика в целом, но и формирование политики как политического курса идет сверху вниз, со стороны элит. Право определять язык обучения и изучаемые языки, безусловно, является проявлением агентности родителей, но довольно ограниченной рамками как формальных, так и идеологических структур.

Например, согласно Стратегии государственной национальной политики в текущей редакции 2018 г., «государственная национальная политика Российской Федерации – система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве»¹. При этом любопытна подмена: «государственная политика» определяется тут через множественность субъектов, то есть, по сути, дается определение «публичной политики» в ее «западном» понимании, но на деле мы знаем, что это именно политика государства с декорациями «участия институтов гражданского общества». Далее, если мы посмотрим еще и Госпрограмму реализации государственной национальной политики в редакции 2021 г.², то по характеру мероприятий можем прийти к выводу, что в России именно государство является не только главным, но единственным субъектом политики, а «институты гражданского общества» только «принимают участие» в ее осуществлении.

Аналогичное решение власти предложили и в процессе разработки Концепции языковой политики. В то время как четыре института РАН разработали цитируемый авторами проект Концепции языковой политики³, имея в виду множественность субъектов языковой политики, проект, разработанный в Министерстве просвещения называется проектом Концепции государственной языковой политики⁴. Налицо ситуация, схожая с советским периодом с приматом интересов государства, в то время как одним из главных достижений перестройки было в том, что человек, его права и свободы, интересы гражданского общества были поставлены во главу угла. В развитие тезиса об «имитационной демократии» мы видим тут, как государство имитирует «полицентричность», включая в свой официальный дискурс элементы, присущие западной политической традиции.

Взаимодействие масс и элит не сводится к тому, что люди участвуют в выборах тех, кто ими рулит. Политическое участие масс в формировании политики принимает различные более или менее институционализированные формы, в том числе общественные движения, группы интересов и общественные организации. Активисты могут не только быть по определению самыми активными участниками общественных движений, но и формировать группы интересов и даже создавать общественные организации, чтобы выражать интересы гражданского общества – и тогда это уже не просто «активизм снизу», а полноценный диалог. В постсоветской России взаимоотношения государства и общества были построены на системе «государственного корпоративизма», когда государство выбирало только одну организацию из соответствующего сектора для представления общественных интересов в диалоге по поводу формирования политики: например, самый большой профсоюз отрасли или официально признанную национальную организацию типа избранного исполнительного органа съезда такого-то народа. На сегодня общественные организации, часто будучи даже возглавляемы чиновниками, потеряли автономию, и система государственного корпоративизма трансформировалась в элемент государственного контроля. При этом секторальные организации в некоторой степени продолжают служить каналом обратной связи, однако контекст национальной безопасности для национальной и языковой политики не способствует «активности гражданского общества».

Таким образом, в политической практике я в целом не наблюдаю отхода от «государствотричного» понимания языковой политики. Тем не менее ситуация сложнее, потому что и сегодня

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента Рос. Фед. от 19 дек. 2012 г. № 1666; О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента Рос. Фед. от 6 дек. 2018 г. № 703.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики: Постановление Правительства РФ от 29 дек. 2016 г. № 1532 (ред. от 9 июня 2021 г.).

³ Проект Концепции языковой политики Российской Федерации, подготовленный Институтами РАН, от 16 июля 2021 г. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/jazyki_rossii/kjap.

⁴ Проект Концепции государственной языковой политики Российской Федерации, подготовленный в Минпросвещения РФ, не публиковался.

языковой активизм является легитимной формой участия в формировании и реализации языковой политики. Влияние научного дискурса «языкового возрождения» в академических кругах также ощущается. Такое участие научного сообщества идет в ногу с «этнографическим поворотом», в котором «включенное наблюдение» не сводится к пассивному наблюдению, но предполагает активное участие исследователей, в том числе для улучшения жизни сообществ. Однако такая деятельность предполагает следование строгим этическим правилам, которые, по моим собственным наблюдениям, пока не отрефлексированы активистами от науки. В целом противопоставление плюралистической и элитной теорий о природе политической власти как политического участия общественных движений в форме «активизма снизу» и их взаимодействии с элитами мне представляется вторичным к вопросу о характере политического участия в зависимости от природы политического и правового режима.

Тут мы подходим к еще одной важной категории, обсуждаемой отдельно в главе 7, каковой является концепция «правовая политика». У меня сложилось впечатление, что авторы вкладывают довольно специфическое содержание в это понятие. В строгом смысле этого термина правовая политика разных стран состоит в том, чтобы следить, что суды осуществляют свою деятельность в соответствии с буквой и духом закона. В России эта функция реализовывалась, например, через постановления Пленума Верховного суда. Мне кажется, то, что авторы называют правовой политикой, является собой феномен несколько иной природы. Рефлексия по поводу советского права пришла к пониманию, что оно отличалось, в частности, тем, что существовал зазор между «правом» и «законом» как буквой и духом закона. В частности, наследие этой особенности советского права стало одной из причин того, что во время перестройки языковое законодательство было сформулировано декларативно, в том числе чтобы не решать многие потенциально конфликтные языковые вопросы, такие как обязательное использование языков. Такая ситуация не устраивала стейкхолдеров. В постперестроечное время исполнительная власть все больше использовала не правовые, а политические механизмы, чтобы продвинуть свою повестку. В условиях усиления исполнительной власти для этого не требовалось проходить согласительные процедуры законотворческого процесса. Таким образом, авторы книги используют концепцию «правовая политика», чтобы описать данную особенность права в России, но не приводят политический контекст. Впрочем, здесь, как и в других местах, фигуры умолчания говорят порой больше, чем сам текст.

Завершающие четыре главы добавляют к картине языковой жизни интересные частные аспекты, с разных сторон освещающие ее многообразие. Глава 8 о «десятилетии языков коренных народов» также содержит релевантные размышления. В то же время утверждается основной аргумент о том, что эта категория распространяется не только на коренные малочисленные народы, но и на народы России численностью более 50 тысяч, с которыми, собственно, согласны даже власти, что видно по плану мероприятий «десятилетия».

В главе 9 о муниципальной языковой политике приведены актуальные данные опроса служащих в органах местного самоуправления. Думается, что тут картина могла бы быть полнее, если данные о мнениях респондентов были бы дополнены официальными данными, поскольку, по сути, большинство вопросов были вопросами факта, а такая информация об осуществляемых мерах органами власти собирается и первична по отношению к мнениям.

Самой полемичной мне представляется глава 10 о «финно-угорском мире» как примере трансграничного языкового сотрудничества. Кажется, выбран довольно сложный, а поэтому не самый удачный пример для изучения такого сотрудничества. Все-таки в соответствующей статье Европейской языковой хартии речь идет в первую очередь о случаях одного языка по обе стороны границы. Широта темы не сопровождается соответствующей глубиной и текст воспринимается скорее как публицистика, причем со ссылками на интернет-ресурсы типа «Регнум». При этом суть явления не обязательно передается неправильно, но дизайн оказывается с изъянами. Например, глава не обсуждает российскую перспективу, если, конечно, не считать высказывания М. Захаровой позицией Российской Федерации. Понятно, что международная тема сегодня сложна для обсуждения. Аргумент главы идет по кругу: оптика конструктивистского понимания предопределяет по замкнутому кругу и выводы, когда авторы, исходя из тезиса, приходят к его подтверждению.

Любопытные данные приводятся в последней, 11-й главе о языках в цифровом пространстве. Про последние главы можно тоже много что сказать конкретного, но, учитывая уже и так большой объем, детали пропущу. Отдельного заключения авторы не дают – читателю предстоит сделать выводы самому.

Для себя я вижу главный вклад книги в том, что она явила собой знаковый шаг в расширении горизонтов и освоении российским научным сообществом новейшего инструментария, наработанного мировой наукой. Эпистемологически важно изучать достижения и иметь разработанные научные инструменты и альтернативы, например в категориях «полицентричная», «сетевая», «публичная политика». Но онтологически важно также изучать реалии такими, как они есть в наиболее адекватной им оптике. После прочтения книги я еще раз убедился, что такие модные современные начинания, как этнография языковой политики, интересны и релевантны, но не могут заменить политического анализа и выступают только дополнением к нему. Ввиду этого мой личный вывод, о чем, кажется, в целом пишут и авторы книги: в России по-прежнему особенно актуально изучение языковой политики как публичной политики.

В России, в силу ряда причин, проблематика языковой политики с советских времен и до сих пор во многом продолжает изучаться социолингвистами. Еще тогда, когда в СССР господствовало марксистское учение с его специфическим пониманием политического, на Западе началось изучение вопросов языка и политики, выразившееся, в частности, в исследованиях языковой политики как конкретного случая публичной политики в рамках одноименной субдисциплины политической науки. В России такого направления до сих пор окончательно не оформилось, а ее изучением, в частности, занималась этнополитология, поскольку языковая политика до сих пор формально не выделена из национальной политики.

В мировой науке произошел ряд «поворотов», которые позволили эпистемологически по-новому увидеть социальные феномены, в частности феномен языковой политики. Они дополнили научный инструментарий возможностью посмотреть на этот феномен с разных сторон, например с перспективы разных субъектов. Тем не менее, когда мы говорим «языковая политика», мы все равно в первую очередь имеем в виду ее мейнстримовое понимание как публичной политики (Газзола и др., 2023, 2024), а в России – государственной политики. Концепты «семейная» или «школьная» языковая политика – метафоры в той мере, в какой мы не применяем их в контексте публичной политики, а в рамках последней они как раз и являют множественность субъектов.

Кажется очевидным, но, видимо, стоит проговорить еще раз: в академическом смысле языковая политика, несмотря на присутствие термина «языковая», не субдисциплина социолингвистики. В концепции «языковая политика» родовое понятие – «политика». Научное изучение политики осуществляет политическая наука (политология). Применение социологических и антропологических методов создает новые возможности в изучении политики. Тем не менее политическая социология, или политическая антропология носит вспомогательный характер по отношению к политической науке при изучении политического. В этнологии была схожая ситуация. Антропология добавила новый взгляд, но не изменила магистраль изучения национальной политики, которую по-прежнему исследуют в первую очередь этнополитологи в рамках политической науки. Религиозная, миграционная, гендерная и тому подобные политики также изучаются политологией.

Национальная, языковая, религиозная политики – это частные направления управления разнообразием. Теории языковой политики возникли как прикладной междисциплинарный проект, в котором инсайты из фундаментальных направлений аккумулируются для решения практических проблем. Именно поэтому, по моему убеждению, теории языковой политики из междисциплинарного проекта никогда не синтезируются в отдельную академическую дисциплину. Употребление термина «теории» во множественном числе указывает на множественность перспектив и отсутствие такого синтеза, и поэтому я предпочитаю его более старому названию «проект “языковая политика и планирование”».

Экспертиза антропологов, этнологов, лингвистов, религиоведов добавляет, но не может заменить работу политологов. Среди прочих практических проблем авторы цитируют наблюдение Т. Риченто (2006), что большинство социолингвистов и специалистов по прикладной лингвистике «либо имеют малую степень, либо не имеют никакой подготовки в области политической науки». В результате усилия практических лингвистов, не имеющих подготовки в социальных и гуманитарных науках, «скользят по поверхности дискурса», а решения принимают другие люди.

Национальная, языковая, религиозная политики – все эти политики – это конкретные примеры публичной политики, изучаемой в академической перспективе одноименной субдисциплиной политической науки. Смежной сферой по реализации публичной политики, а также соответствующей академической субдисциплиной политической науки является публичное администрирование (public administration), а в российском случае ожидаемо – государственное управление.

Несмотря на то, что, как я утверждаю, языковая политика в России по-прежнему «государственноцентричная», я согласен, что, конечно, и в России действуют и другие акторы со своей агентностью и резилентностью. Но при этом за абстрактным тезисом про множественность субъектов политики не стоит забывать, что агентность в обществе распределяется неравномерно – и конкретно в российском обществе она по-прежнему в основном спускается сверху вниз как политические и управленческие решения в рамках государственной политики и государственного управления.

Онтологически центральные вопросы – «что представляет из себя языковая политика» и «кто делает языковую политику?» В кратко- и среднесрочной перспективе представляется вероятным такое развитие событий, которое авторы во введении называют «инерционным сценарием» «государственноцентричной» политики. Такому онтологическому пониманию нужна соответствующая эпистемология. Политику изучает политическая наука. Более того, в арсенале современной мировой политической науки инструментарий публичной политики не ограничивается исследованием роли государства, но позволяет понять и роль других субъектов. В этом контексте приоритет все-таки остается за изучением языковой политики России как публичной политики (Замятин, 2023).

Список литературы / References

- Губогло, М. Н. (1998) *Языки этнической мобилизации*. Москва: ИЭА РАН. [Guboglo, M. N. (1998) *Languages of Ethnic Mobilization* [Yazyki etnicheskoy mobilizatsii]. Moscow: IEA RAS. (In Russ.)].
- Мухарьямов, Н. М. и Януш, О. В. (2022) *Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики / под ред. Г. Ф. Лутфуллиной*. Казань: Отечество. [Mukhraryamov, N. M. and Yanush, O. V. (2022) *Language Set-Up of the Russian Society: Factors of Political Dynamics*. [Yazykovoe ustroystvo rossiyskogo obshchestva: faktory politicheskoy dinamiki] / ed. G. Lotfullina. Kazan: Otechestvo. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023) 'Изучение языковой политики как публичной политики в мире и России', *Социолингвистика*, 3 (в печати). [Zamyatin, K. Yu. (2023) 'Studying Language Policy as Public Policy in the World and Russia' [Izuchenie yazykovoy politiki v mire i Rossii], *Sotsiolingvistika*, 3 (in press) (In Russ.)].
- Beland, D. and Cox, R. H. (2010) 'Ideas and Politics' in: D. Beland and R. H. Cox (eds.) *Ideas and Politics in Social Science Research*. New York: Oxford University Press, pp. 3–20.
- Berger, P. and Lukmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. NY: Anchor Books.
- Blommaert, J. (1997) 'Language and Politics, Language Politics and Political Linguistics', *Belgian Journal of Linguistics*, 11, pp. 1–10.
- Bourdieu, P. (1977) *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- van Dijk, T. A. (1997) 'What is Political Discourse Analysis?' in: J. Blommaert and C. Bulcaen. (eds.) *Political Linguistics*. Amsterdam: Benjamins, pp. 11–52.
- Edelman, M. (1977) *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail*. NY: Academic Press.
- Fairclough, N. (2014) *Language and Power*. 3rd edition. London: Longman.
- Fishman, J. (1972) *The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society*. Rowley, Mass.: Newbury House.
- Foucault, M. (2002, 1969) *The Archaeology of Knowledge*. A. M. Sheridan Smith (trans.) London and New York: Routledge.
- Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D. C. and Leoni de León, J. A. (2023) *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Gazzola, M., Grin, F., Cardinal, L. and Heugh, K. (eds.) (2024) *The Routledge Handbook of Language Policy and Planning*. Abingdon: Routledge. Forthcoming.
- Giddens, A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Oxford: Polity Press.
- Gorenburg, D. (2003) *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. New York: NY Cambridge University Press.
- Grin, F. (2003) *Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages*. New York: Palgrave Macmillan.

- Johnson, D. (2013) *Language Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Johnston, H. and Noakes, J. A. (eds.) (2005) *Frames of Protest: Social Movements and the Framing Perspective*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Laitin, D. (1992) *Language Repertoires and State Construction in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pérez-Milans, M. and Tollefson, J. W. (2018) 'Language Policy and Planning: Directions for Future Research' in: J. Tollefson and M. Pérez-Milans (eds.) *Oxford Handbook of Language Policy and Planning*. Oxford: Oxford University Press, pp. 727–742.
- Ricento, T. (ed.) (2006) *An Introduction to Language Policy. Theory and Method*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Shapiro, M. (ed.) (1984) *Language and Politics*. New York: New York University Press.
- Shapiro, M. (1988) *The Politics of Representation: Writing Practices in Biography, Photography, and Policy Analysis*. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Schmidt, V. (2010) 'Reconciling Ideas and Institutions Through Discursive Institutionalism' in: D. Beland and R.H. Cox (eds.) *Ideas and Politics in Social Science Research*. New York: Oxford University Press, pp. 47–82.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2023

Статья принята к печати: 07.07.2023

FOR STATEMENT OF THE PROBLEM OF STUDYING LANGUAGE POLICY AS A PUBLIC POLICY: REFLECTIONS ON THE MONOGRAPH OF N. M. MUKHARYAMOV AND O. B. YANUSH "LANGUAGE DEVICE OF THE RUSSIAN SOCIETY: FACTORS OF POLITICAL DYNAMICS" (KAZAN, 2022)

K. Yu. Zamyatin

K. Yu. Zamyatin, PhD, Docent.

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: k.zamyatin@iling-ran.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. Researcher ID: AAY-5217-2020).

Abstract

The text reviews the book by analysing the content of the book itself and providing the context of international scientific research on language and society. The text of the book is analysed sequentially, starting with the introduction and continuing from chapter to chapter. At the end, a conclusion is drawn on the significance of the book for the development of Russian scholarship and for the applied efforts of scholars in the field of language policy. The book raises as its organising principle the key problem of interdisciplinarity in language policy research and represents one of the rare attempts in Russian science to study language policy from the perspective of political science. Such a research perspective is especially relevant in Russia nowadays, when every year new official documents regulating various aspects of language life are developed, from the formulation of conceptual foundations of state policy in this sphere to the approval of language norms and the realisation of other applied aspects. The authors rightly assume that from the point of view of policy effectiveness, one of the main issues is the issue of agency, the plurality of policy actors and the importance of their participation in policy formation.

Keywords: language policy; agency; public policy; state policy; Russian Federation; sociology of science; world science.